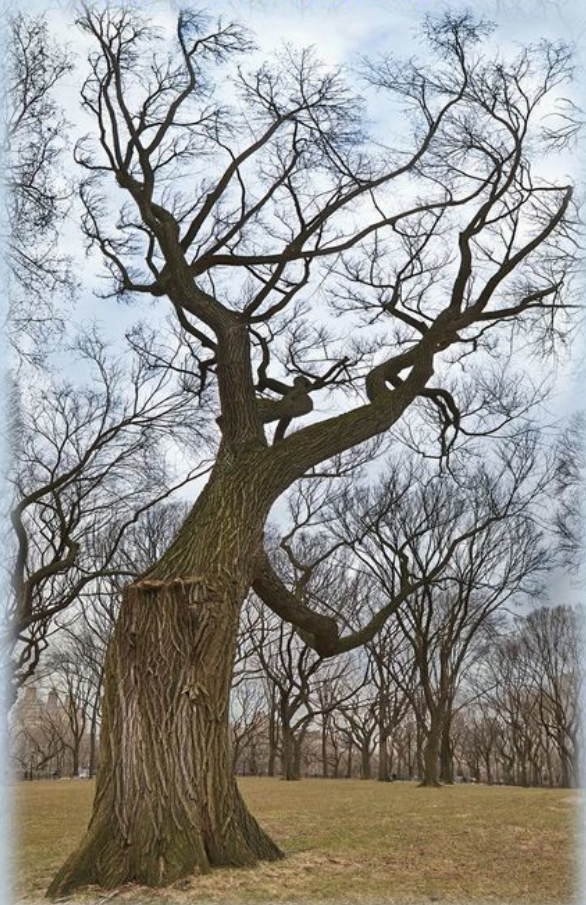

МИХАИЛ МАЗЕЛЬ

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ

Михаил Мазель

Эффект присутствия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11958773

ISBN 978-5-4474-2600-2

Аннотация

«Эффект присутствия» – девятый «хронологический» поэтический сборник автора, в который вошли стихи, написанные с 2012 по 2014 г. Также в сборник входят около 30 авторских иллюстраций. Диапазон стихотворений охватывает самые разнообразные темы: от Холокоста до стихотворений, посвящённых классической музыке, композиторам и исполнителям. В сборнике много и лирических, и пейзажных, и философских произведений.

Содержание

От автора	8
Плиссе (А что ещё?)	14
И всё-таки город...	16
Человек, строящий муравейники	18
Давно известная изнанка, или Непадающий лист	23
Марулло, скажи мне... (Суфлеры)	26
Стимул	28
Азы	30
Триптих	32
Энный полустанок	34
Напрямик	36
Кафе «Шуточки»	39
Доверие...	41
Доктор	43
Баллада о двух голубятниках	48
Воробышки	51
Осколки лжи	54
Круизный лайнер	57
Под пятой ступенькой	65
И. С. Б	67
«Спасибо»	69
Лепесток дыхания	72

Из синевы (Предпосылка)	75
Без предложений	78
Деталь... (Конец белиберды)	80
Окнами	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Эффект присутствия

Михаил Мазель

© Михаил Мазель, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

© Михаил Мазель, текст, 2012 – 2014

© Михаил Мазель, иллюстрации, 2015

© Михаил Мазель, дизайн обложки, оформление 2013
Для контактов: <http://www.mikhailmazel.ru>

Всем, кого люблю

От автора

Дорогие друзья!

То, что мой девятый поэтический сборник будет называться «Эффект присутствия», я знал задолго до того, как мой восьмой сборник («Штрихами по воде наискосок») начал приближаться к завершению. Честно скажу, это было нелёгкое знание. Впереди предстоял большой труд по работе над текущей книгой, тональность которой уже определилась, и при этом уже ощущалось настроение следующей.

Я никогда не писал «книг стихотворений». Я всегда писал и пишу стихотворения. Они... приходят. В какой-то момент я ощущаю, что послекусие того, что появляется, сильно изменилось. Возможно, и форма изменилась. И тогда я ставлю точку и издаю очередной сборник. Но перед этим, случайно ли, осознанно ли я оглядываюсь и анализирую новые стихотворения. Я вольно или невольно направляю свои искания и потуги в определённое русло. Подсознание начинает «строить» книгу, хотя, повторяюсь, я не пишу книг.

И вот в самом разгаре работы над одной книгой – в подсознании начинает брезжить другая. И терзает душу мысль (вопрос): «Как?».

Как теперь быть? Складывать новое в два файла заранее разделяя, или не пускать на волю чувства и мысли, более

подходящие для будущего сборника?

Я не отвечу вам, как я с этим справился... Наитие, нечто, управляющее моими потугами, помогло. Такие вещи нельзя осознавать. Их нужно принимать как должное. Так и жил. Так и писал.

Когда я начал работать над «Эффектом присутствия», в какой-то момент возникло название десятого сборника, «В ожидании птицы Нагай»... Теперь это уже не удивляло, не тормозило, не озадачивало.

Я пересматривал фрагменты любимого мультфильма из детства, «Приключения капитана Врунгеля». Когда Зиновий Ефимович Гердт, озвучивающий капитана, запел «Как вы судно назовёте, так оно и поплывёт», я заулыбался. Вот и ответ. Если многие годы я называл мои поэтические парусники – сборники уже после их завершения, то сейчас стал называть до. Только и всего...

«Эффект присутствия». Откуда такое название? Всё очень просто. Я – фотограф. Я люблю снимать то, что вижу каждый день: улицу, парк, здания, деревья. (Не «жанр» – то, что вокруг.) Нередко люди в своих откликах пишут мне, что ощущают себя «в моих снимках» как в местах, в которых они бывали – при том, что многие никогда не бывали там. Согласитесь – приятно... Хороший стимул продолжать. Фраза «эффект присутствия» нет-нет да и звучала в откликах к моим пейзажам, к урбанистическим работам... Я вдруг понял, что хочу слышать подобное и по отношению к моим стихо-

творениям. Хочу дарить людям ощущение присутствия не только в фотографиях, но и в строках... Я не стал «подгонять» (ни в коем случае) строки под название, но ощущение, что я пишу стихи с эффектом присутствия, вселяло уверенность, что я изменился и пишу по-новому. Это подгоняло и стимулировало.

Если вы читали мой предыдущий сборник (я уже упоминал его название: «Штрихами по воде наискосок»), то можете вспомнить, в каких творческих муках после полугодового затишья я его начинал. Теперь я могу признаться, что заканчивать его мне было ещё тяжелее. Писался он медленно. Гораздо медленнее, чем стихи в предыдущие годы. Многие задумки не давались. Я складывал нереализованные наброски в стопочки, записывал их в блокноты. Регулярно перечитывал. Но всё равно стопки не уменьшались. В какой-то момент я принял решение и выбросил чуть ли не половину из того, что не давалось дольше, чем два – три года, а оставшуюся половину рассортировал по приоритетам важности для меня. Через какое-то время я повторил эту процедуру, но всё равно оставалось два-три десятка мучавших, просящихся на волю набросков. Ко всему «Эффект присутствия» буравил сознание... Я осознавал, что дошёл до ручки, но решиться поставить точку и сказать: «Всё, сборник готов,» – не мог.

Помогли Андрей Макаревич и «Оркестр креольского танго». Побывав на их концерте, я «оттаял». Я вдруг почувствовал свободу. Усталость сняло как по мановению магическо-

го жезла. Я вернулся домой, собрал все бумажки с набросками, разорвал и выбросил. А блокноты сложил стопкой, обмотал скотчем и спрятал в дальний угол нижнего ящика моего стола. Я выдохнул, произнёс вслух (сам себе): «Поздравляю, Миша. Твой восьмой сборник стихотворений завершён. Теперь ты можешь немного отдохнуть. Ты заслужил...»

Отдыха не получилось. Наутро, едва раскрыв глаза, я схватил листок бумаги и написал первое стихотворение для этого сборника...

Говорят, что я трудоголик...

Что я могу сказать об «Эффекте присутствия».

Я его писал по времени значительно меньше «Штрихов», но получился он насыщенным по разнообразию тем и жанров... эмоций, переживаний. Написалось много стихотворений о музыке, много стихотворений о войне и Холокосте (до недавнего времени я не решался касаться этой темы, не доверял себе и своему слову, но слова сильнее авторских страхов). В этом сборнике много стихов, рождённых прямо на концертах. Много стихов, выстраданных и выношенных годами. В нём много боли. В нём много если не гражданских стихотворений (это не совсем мой жанр – я лирик и философ), то стихов, отражающих всю тяжесть от страшных геополитических потрясений 2013–2014 годов. (Книга заканчивается стихотворениями датированными апрелем 2014 года.) В сборнике отразились и личные потери, и приобрете-

ния, и, куда же без неё – лирика. Любовная лирика. С годами этот жанр даётся всё с большим трудом, почему-то, но без неё ни один сборник не будет законченным.

В завершение этого вступления хочется подчеркнуть, что после более чем десятилетнего перерыва я решил проиллюстрировать свои строки своими же рисунками. Не фотографиями, давшими ему (сборнику) название, а именно рисунками. Это был большой, кропотливый и очень нелёгкий труд, но я рад, что решился и проделал его. Надеюсь, что иллюстрации помогут вам, моим читателям, прочувствовать то, что я вложил в название книги.

Геополитические потрясения, к сожалению, не утихают. Музыка, к счастью, продолжает радовать и вдохновлять. Люди: одни – пугают и разочаровывают. Другие – радуют и стимулируют. Третьи – помогают верить и бороться. Стихи...

Пожалуй, на этом надо ставить точку. Описывать собственные стихи дело совершенно бессмысленное, в отличие от самих стихов. Зачем я пишу уже больше двадцати пяти лет? Мне хочется. Мне интересно. Мне необходимо. И я, наивный, надеюсь, что это поможет мне и другим не потерять веру в себя, веру в других, веру во что-то хорошее, веру в гармонию, веру в разум...

«...Нам кажется, что многое реально:

и прошлое, и люди, и дома.

Мы полагали – время радиально.

Возможно ли прозреньё задарма?

Я двигаюсь знакомою аллеей,
но мне всё кажется, что я впервые здесь.
Сомнения толпятся не довлея.
Похоже, я подсел на эту «смесь».

...

...

Порою людям нужно
две-три фразы,
чтоб осмотреться и...
промолвить: «Есть!»
Всё так реально. Даже... вера в разум,
не говоря про зависть, зло и честь.
И я ищу те фразы (или кадры),
и тех, кому они нужней, чем мне.
Прозреньё в том, что мы проходим рядом
штрихами дней, ветвей, корней, камней...»

Ваш Михаил Мазель

Апрель 2015-го года. Джерси Сити

Плиссе (А что ещё?)

Вода плескалась о камень,
луна плыла над морем вдаль,
и заменял местоименья
цветущий за спиной миндаль.

Звук. Запах. Запад. Заиканье.
Волна в движеньях завралась,
но воды...
неба не зеркальной,
чувств прежних отражая власть.

Слились спокойствие и ропот,
и на плиссе лёг лепесток —
корабль, откроящий Европу,
и следом призрачный Восток.

Тарелкою лежат полмира
и ждут. И ждут... Луною полн
сон... от Пальмиры до Пальмиры
дрейфующий по воле волн.

А чувства? Видимость беспорна:
промеж стихий дрожащий шёлк
луны, разбившимся фарфором

присыпанный. А что ещё?

Давно знакомые сомненья,
переродившие печаль,
изгнавшие местоименья
и научившие встречать.

17 января 2012 года

через него

примерещатся рожи.

Так вот почему

затаившимся гномом

во взгляде испуг?

Родная... Не слышит.

Я томик захлопну

в припадке отчаянья,

и город сотру,

и вгоню в чернозёмы

свой девственный плуг.

Но память не даст

(как ни хлопай об стол)

изменять окончания.

И все-таки город...

Он был. И исполнен он

мною и тобой.

Наш томик созвучий

немым доказательством

зыбкого края.

Не сумерки. Память.

Охота на тигров.

Во льдах китобой.

Я помню, что было.

Мне хочется мокнуть,

где окна сверкают.

22 января 2012 года

Человек, строящий муравейники

«Не мешайте ему, он занят.»

Юрий Левитанский

*Памяти Александра Николаевича
Житинского*

Человек лежит и строит муравейник.
Он лежит себе и строит муравейник.
Он лежит себе
на животе.

Под сосной
на берегу
над морем.
Человек, не ведающий горя.
До поры не ведающий горя.
Под сосной
себе на берегу.

1.

Человек берёт одну иголку,
а потом берёт ещё иголку,
и ещё одну берёт иголку
человек, лежащий под сосной.
«Ах, ну почему иголки колки?!»
Человек иголками исколот,
но кладёт иголки друг на дружку,

муравейник строя под сосной.

Муравей куда-то убегает.
Человек его едва поймают,
и опять поверх кладёт иголки...
«Муравей! Тебе я строю дом.»
Облака над морем набегают.
Человек прекрасно понимает,
если мама сладко обнимает —
время уходить.

И он с трудом
сдерживая слёзы обещает,
что когда он съест омлет и щавель,
что когда допьёт компот
и после
отоспит, как надо,
два часа...

Он вернётся
и тогда
достроит
муравейник —
дело-то простое:
на иголку класть ещё иголку.
Очень просто.
Через
два часа.

2.

Через два часа начнётся дождик.
«Мама, ну давай хоть на немножко?»

Мама, я там строю муравейник.

Мама...»

Мама смотрит и молчит.

«Мама!..»

Мама смотрит и вздыхает.

Мама сына крепко обнимает.

Мама лучше всех: она не злая.

Просто вот вздыхает и молчит.

За окном закат опять пылает.

Как вчера, в обед закат пылает.

Да, в обед —

и всё-таки пылает...

Человек вцепился маме в бок.

Человек вцепился и судачит.

Человек не может жить иначе.

Раз решил построить муравейник —

значит должен,

и в кратчайший срок.

Дело в том, что накануне в полдень

кто-то незнакомый с палкой в полдень

муравейник уничтожил в полдень:

палкой разбросал, потом поджёт.

Он его сперва облил бензином,

а потом поджёт, облив бензином:

«Я живу в том доме с мезонином.

Я испробовал, что мог и что не мог.

Так случилось: некуда мне деться —
искусали моего младенца.

Чудо, что ребеночек не умер.

Искусали

до смерти почти.»

Так сказал он и развёл руками.

И ушёл он.

И развёл руками.

Вроде сбросил с совести он камень.

Или нет?..

Он всё равно ушёл.

3.

Щелкает будильник, отбивает...

дробь,

не дробь?..

Наш человек зевает.

Сладко так наш человек зевает.

Сладко так.

Его встречает сон.

Он счастливый, он пока не знает,

что такое «бьют» и «убивают»,

что война бывает, он не знает:

человеку нет ещё шести.

Ничего плохого он не знает.

До поры плохого он не знает,

(если только, что собака злая:

лает, если близко подползти).

Он лежит и строит муравейник.
Засыпая – строит муравейник.
И построит он его (наверное).
Не наверное!

Его построит он.

А ещё построит дом и город.
Он всегда найдёт построить повод.
Человек рождён чего-то строить.
Он не лишь бы кто,
а Человек.

Он не лишь бы разрушать и спорить.
Он сегодня под сосной у моря
так упорно строил муравейник,
он сегодня был на высоте.

Он на Мир глядит благоговейно.
Он достроит утром муравейник.
Зная, что на свете верно,
лёжа просто так на животе.

27 января 2012 года

Давно известная изнанка, или Непадающий лист

Ну вот всё и закончилось, Старик!..
Вчера слетел последний жёлтый лист.
Когда бы мог – я б не надел парик
на эту рощу. ... Материалист
(пусть хренов). Да – всему приходит срок.
И правда в том, что лист слетит опять,
но может не случиться этих строк,
а может и случиться и впясть
в сознание вселенскую тоску,
а то наоборот – один кураж.
А лист себе готовится к броску,
как я к сезону снов и мелких краж.
Я, как карманник, пробую таскать
сам у себя восторги прошлых дней.
О чём стрекочет жилка у виска?
Украл. И?.. Не богаче, не бедней.
Старик, ты понимаешь – я постиг
законы бытия и тайны душ,
теперь назад мечтаю обрести
незнание, приняв холодный душ.
О, нет! Я не наивен. ... Отрезвлён!
Я притворюсь начавшим этот путь,
и стану как бы равноудалён

от скрытых слёз и от желанья пнуть
сметённую листву... Да будет так!
На вид приняв условия игры,
листва лежит. В лесу ни ветерка.
Листва лежит – отчаянья бугры.

Всё так, Старик. Открытия смешны.
Смешно решать, кто прав, а кто неправ.
И я не пробурчу «меня тошнит».
И я не подожду пожухлых трав.
И сим притворством я не обреку
себя страдать, что, дескать, стал лжецом.
По «нехочу» вобью в базальт кирку
и сталь сверну вокруг заподлицо.
Старик, прости, я не могу молчать.
Я понял – у всего изнанка есть.
Сказал!!! И что? Сюжет не стал мельчать.
Не разнеслась в момент благая весть.
Одно с другим срослось, как два и два:
летающий лист с гниением и весной.
Иллюзия, как чёрная вдова,
всё загрузит неба белизной.
И остаётся взять и написать —
Старик, опять попадала листва...
Я ляды (лишь бы) не люблю чесать —
прекрасней нет в природе естества.
А то, что вот за этой красотой
банальность, брэнность скрыты? Не смехи.
Старик!.. Опять листу кричу: – Постой!

Чего кричу? Лист падать не спешит.

30 января 2012 года

Марулло, скажи мне... (Суфлеры)

*«не вставляет мне музыка Верди
не о жизни она не о смерти»*

Алексей Цветков

из стихотворения «Травиата»

Алексей Цветков не любит Верди.

Жаль... Я сам

не жалуя Пуччини.

В этой «скачке», будь ты сзади или спереди,
нет ни подоплёки, ни кручины.

Просто вкусы, чувства, и пристрастия.

Просто связан тот же Риголетто
с багажом любви в моей династии,
и, в который раз, беру билеты я.

Есть у каждого свои родные фобии,
так и сяк исхоженные тракты.

...Почему не умирает Тито Гобби
в первой сцене из Второго Акта.

Почему под музыку весёлую
всякий раз стораёт Виолетта.

Извивается совсем не между сёлами
тракт от «почему» до «фиолетово».

Ничего себе воздвигли зданьице

этой многоликой тётке – Опере.
Господи, избавь от швабры в задницу.
Чувства сами сыпятся из хоррег-а.
Эти звуки... не о жизни, не о смерти,
о страстях, слегка прикрытых флёротом.
В каждом соло, трио и квартете
жизнь и смерть присутствуют суфлерами.

Да. У Верди с жизнью его долгой
и без них хватало разных звуков.
Смерть детей, жены... и бал с Пеппиною.
Путь, воспетый хором из Набукко.

В сотый раз втыкаю взгляд в компьютер
в запись Риголетто с Тито Гобби.
О, Марулло, на какой минуте
жизнь и смерть, сойдясь, не покоробят.
«Почему под музыку красивую
происходят у Джузеппе все страдания?» —
у отца давным-давно спросил и я.
«Верди!...» – знал ответ его заранее.

27 февраля 2012 года

Стимул

История встаёт кровавым диском
над чёрною спокойною водой.
Сижу и вычисляю степень риска
и фактор, обещающий покой.
Так день за днём проходят век от века.
Там льётся кровь и торжествует смерть,
и ложь детишек учит, как кумекать...
Но до сих пор не покачнулась твердь,
хотя давно пророчат ей напасти.
Сижу и ужасаюсь, и ищу
в истории кровавой сны о счастье.
Считайте, что я этим как бы мшу
волне отчаянья, бессилия и шока,
катящейся по вере и вранью...
Выходит, я пишу стихи постольку
поскольку знаю, что и я храню
не сон, так чуть заметный отголосок
истории реальной, не иной.
И не как муж, а снова как подросток
осознаю (трясаясь), какой ценой
досталось мне безоблачное детство...
Я должен дальше рассказать про ложь
тем, кто за мной пытается взглядеться
в луну над речкою и вслушаться в галдёж

каналов, охмуряющих нам разум...
Хочу я верить в то, что Разум есть.
Я верю в то, что не хитрю во фразах,
и эта Вера – стимул, а не месть.

10 марта 2012 года

АЗЫ

*«Море по-латышски
называется ю р а»*

Ю. Левитанский

...бежать от наводнения на поезде,
в котором – ни руля, ни тормозов?
Нет ничего печальней этой повести,
как нет в моём незнании азов.
Пускай немногому и кое-как обученный,
я сознаю бессилие своё,
де-юре отдаваясь воле случая.
А море наползает на жнивье.

Дневных хлопот привычное журчание
порою заглушает ветра свист,
и глушит озабоченность отчаянье,
и берег убеждающе скалист.
Пускай вода и солнце точат скалы,
готовя почву за «а после нас».
...так бережно она ступни ласкала,
и наяву, и после, в бури снясь.

Издаст Ковчег, стоящий под парами,
надрывный журавлиный горький клич,
и беззаботно парами дворами,

оцепенения ментальный паралич
одолевая, соберутся люди.
Я промолчу, что я не их оплот.
Вода ласкает. Надо! Будь, что будет,
пора... из поезда построить крепкий плот.

12 марта 2012 года

Триптих

«Среди галдящей пустоты»

Не меньше... (Поскорей)

Доверяй в этом мире себе одному,
но при этом, пожалуйста, верь.
Все дороги ведут только в эту страну,
и всегда их не меньше, чем две.
В чём же выбор тогда? В чём таится подвох?
Есть ли разница? Есть ли резон?
Кто-то шепчет подсказки, но кто он, мой бог,
и куда приведёт горизонт?

Доверяй в этом мире себе одному,
но, пожалуйста, будь справедлив.
Ветер дружески хлопнет ладонью в корму
и напутственно скрипнет прилив.
Ты куда-а-а?.. Это ветер смеётся опять.
Ты куда-а-а-а?.. Я к тебе. Я к тебе.
А стихи никогда не напишутся вспять,
как не станет доступней Тибет.

Доверяй в этом мире себе одному,
если звёзды легли на ладонь.
Кто-то крабом ползёт одиноко по дну.

Кто-то прячет волшебный огонь.
Сохрани. Не забудь. Сбереги. Донеси.
Эге-ге-гей-й-й, не пугайся, мой брат.
Это чайка свободы летит в небеси.
Это строки текут серебра.

Доверяй в этом мире себе одному,
но пытайся любить и искать.
Ты поверь: в миг, когда я свой взгляд
подниму,
сгинут тенью и страх, и тоска.
Не грусти, даже если сейчас ты один.
Не кручинься, не надо, мой бог.
Все дороги ведут... Поскорей приходи,
мой ещё не рождённый пророк.

29 июня 2007 года

Энний полустанок

Евгению Клячкину

Свободен – значит одинок.
Не парадокс – банальный выбор.
Метнутся стайкой из-под ног
невозмутимо, словно рыбы,
слова и тени этих слов
сквозь пыль и вечное сомненье.
Не ледоруб и не весло
в пространстве вызовут волненье.

Вставай с колен: читать следы
в широтах этих, парень, глупо.
Свободен – значит, до беды
и до любви шагать и хлюпать
походкой чёткою, как слог,
по буквам, падающим снегом.
Плечо заденет за отрог
преграды, собранной из «лего».

Свободен – значит не нашёл
и эту блажь ещё не бросил.
Чуть различимо «хорошо»
воткнёшь ты в Землю новой осью.

А за спиной цепочка дат
под песнями: а ля зарубки.
И недоступная звезда
быть продолжает самой хрупкой.

Свободен – значит снова – ты.
Непонятый, хотя доступный.
Среди галдящей пустоты
желаньями встают уступы.
Рука, объятья, поцелуй...
исчезнут энным полустанком.
Свободен – значит зафрахтуй
вновь одиночество подранком.

28 декабря 2008 года

Напрямик

...Михаилу Ширинкину

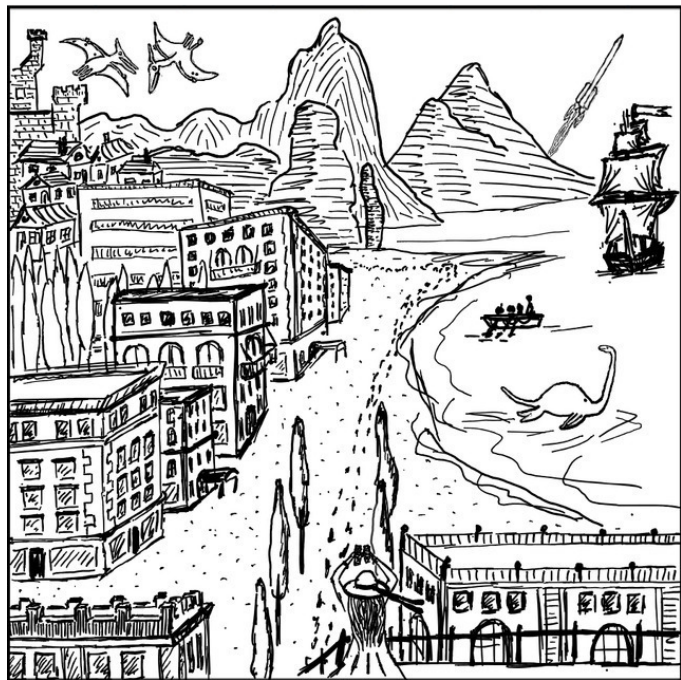
Говорят, что я раб
(раб – свободы своей),
затерял скудный скарб
в чревах дальних морей...
Вновь ушёл напрямик
вдоль витрин и аллей...
Да... Смурной мой двойник —
оптимиста наглей.

Сколько было имён?
Разность встреч и потерь.
Тает скудный заём
от портье до портье.
Это всё оттого,
что двойник мой свистит:
убежав от торгов,
процедив «отпусти».

А отпустит едва ль.
Я ведь, правда, – не раб.
Опусти же вуаль,
чтоб не выполз мой краб.

Я сегодня уйду...
Я куда-то вернусь.
Белый лист, как редут.
Раз не раб, так не трусь.

5 мая 2012 года

Кафе «Шуточки» (для некурящих)

Ну что же... перекур для некурящих.
Мороженое. Или крепкий чай.
Да улыбнётся всяк сюда входящий.
Да убоится бестолку скучать.

Для пребывающих в тоске – отдельный столик
с табличкой лаконичною «Тоска».
На нём не скатерть – вспаханное поле.
А ниже поля?... Ясень пень – доска.

Для тех, кто преуспел в науке споренья —
дубовый крепкий стол... что бастион.
(С табличкой: «Изменяю ход истории».)
...Уже лет двадцать, как пустует он.

А между ними старенькие парты,
конторки, тумбочки и бочки. Чем не... СТОП!
Тут перекур! Для некурящих. Что?... Не парьтесь.
Вас не попросят вышивать крестом.

Вы озадачены? Вам хочется трудиться?
Впервые... Вновь? Ну да... Вас ждёт успех.
Блаженен всякий одарённый дикцией

и избежавший бряцанья доспех.

* * *

Вновь проводив последнего клиента,
я зал окину взглядом знатока.

Да. В заведеньи не хватает суккулентов
и среди прочего, пожалуй, верстака.

Но кто это? За столиком пустующем...

В накидке... И когда он тут возник?

А вдруг... в игру опять пришёл вистующий.

А вдруг реальный. Настоящий. Не из книг.

Мне б обслужить. Спросить: «Какого чаю,
или мороженое?..» Ноги как выросли.

Средь сонма – мысль одну я различаю:
что мы до встречи с ним не доросли.

А он молчит. А он не шелохнётся.

И не понять: он шутит или нет.

И только желваками сердце бьётся.

Когда б носил – я б выронил лорнет.

6 мая 2012 года

Доверие...

Я был любимцем всех соседских пьяниц
за то, что слушал (просто) и... не пил.
Я видел упреждающий румянец,
но не отказывал и впрок сил не копил.
Да, слушал, подмечая что ни разу
за много лет не сбился ни один...
в своих исповедальных пересказах
реальных и придуманных картин.

Зимой, в ботинках с тонкою подошвой,
корил себя «гнилой интеллигент».
В сознании пьяниц – больше, чем хороший.
В своём – трусливости эквивалент,
кто дома объяснял, что задержался
с Ефимычем. Что славно во дворе.
Я помню мальчика. Он в окнах отражался.
– Я научусь быть с ними «поскорей».

Не кара и не дар – жизнь без надменности
к тому, кто слаб, навязчив. К тем, кто пал.
Так тошно объяснять всё повседневностью.
Так глупо сетовать, что зарастёт тропа.
Не научился. Мало силы воли?
Нехватка обладанья и ума?

Как ни крути – дороги станут полем.
Доверье оправдал? Всё кутерьма.

Без телескопа различаю в бездне
планету неизвестную другим.
Живут там без идиллии помпезной
утопшие в слезах своих богинь,
исчезнувшие тихо, незаметно...
(Ведь многие – так незаметно пьют).
Нет-нет, совсем не кара та планета.
Не дай вам бог найти на ней уют.

19 мая 2012 года

Доктор

Непонятно, как этот поступок в словах обозначить.
По пословице не опустело достойное место?

Доктор¹ должен был стать музыкантом,
но вышло иначе.

Умер брат (медицинский студент).
Выбор сделан был «Presto».

В своём городе жители доктора очень любили.
И не только в его... говорили о нём с уважением.

Ум, гуманность, сердечность...
Признательность стоит усилий.

Сорок лет он служил. Что такого,
раз выбрал служенье.

Незадолго до смерти ему предложили уехать.
Разве мог он оставить больницу? Помилуйте, боги!
Доктор был из людей, каждый
день расставляющих вехи:
сорок лет в одной комнате могут назваться дорогой.

¹ Посвящается мужу сестры моего дедушки – Осипу Борисовичу Шендельсу, заведующему туберкулезным санаторием в городе Курске, отказавшемуся бросить больных и погибшему, добиваясь от нацистских оккупантов человеческого отношения к больным.

Так сложилось, что тело лежало бесхозным неделю.
Похоронен был доктор за городом тихо и скромно.
Стал последним пределом,
ушедшему ввысь на пределе
незаметный незнающим маленький
спрятанный холмик.

Он спешил на работу тем утром
не так, как обычно.

Всё кипело в душе старика.
Да могло ли иначе?!

Он узнал, что в больнице нарушен
порядок привычный...

Ход дальнейшего вряд ли был кем-то
заранее «проплачен».

Как же так! Главврача не пускают
в его же больницу.

Часовые смеялись.
Больные стонали в канаве.

– Кто тут старший? Кто старший! —
он знал, что «нарушил» границу.

Жизнь сорвалась с пружины щелчком,
подведя его к... Славе?..

– Что за шум!.. – Пациенты должны
возвратиться в палаты!

– Расстрелять! —
был исполнен приказ без отсрочки.

Благородная ярость не может не быть слеповатой...
«Героической смертью...»

Скупые, банальные строчки.

Он лежал посреди главной площади полной печали.

Всем известный, любимый, отчаянный
старый целитель.

Он лежал.

Горожане неделю в бессилии молчали
до поры,
когда «новый порядок» позволил: – Берите.

Скромный холмик за городом. Всё же...
есть место поплакать.

Сколько... кануло с «новым порядком»
бесследно навеки.

«Героической смертью погиб...»

Шелестят в поле злаки.

Доктор должен был стать музыкантом.

Зачем... текут реки?

9—11 июня 2012 года

Баллада о двух голубятниках

Одевались попоже. Носили попожие стрижки...
и друг дружку дразнили частенько, крича
«Не робей!»

Достоверно известно, что был он
ростовским парнишкой.
Как и многие сверстники, сильно любил голубей.

Фото мёртвого мальчика
с голубем мёртвым в ладони
как улику рассматривал даже
Нюрнбергский Процесс.

А сегодня кликуши о сказках и мифах долдонят.
Очень горько, что память давно
превратилась в абсцесс.

То ли слал он в соседний посёлок,
что видел и слышал.
То ли просто спасал от врагов им лелеянных птиц.
До темна они ждали мальчишку, воркуя на крыше,
а под утро умчались, не ведая войн и границ.

В восьмистах километрах на север
жил в городе Курске
голубятник один, выводящий своих гривунов.

Разноцветные шеи и белые крылья и гузка.
Очень был популярен старик перед самой войной.

Правда, жаден был: головы рвал «перепуганным»,
если
не платили хозяева «штраф» в им отпущенный срок.
Кабы знали соседи, что жили
в кварталах окрестных,
кем он станет – никто бы его не пустил на порог.

За три года дед выдал фашистам две сотни евреев,
коммунистов и жён, воевавших на фронте курян.
А когда убегал с «новой властью»
и сам был расстрелян,
несмотря на заслуги, за то, что был алчен и рьян.

Но не стоит, наверное, делать поспешно ремарки,
что собакам собачая смерть и что мальчик тот миф.
Белый голубь присядет на памятник
в маленьком парке,
а другой повернёт незаметно истории шкив.

Я не очень люблю голубей – эти строки про Память².

Не она ли курлычет в ночи, не давая нам спать?
Не она ли печально глядит сквозь оконные рамы,

² В этом стихотворении речь идёт о конкретных людях: Вите Черевичкине и Иване Пехове. Все описанное в стихотворении – правда. Автор фотографии погибшего мальчика – известный военный корреспондент Марк Альперт.

как тревожно сжимаем в ладонях мы знания пядь?

13—14 июня 2012 года

Воробышки

Он шёл по Миру в гордом одиночестве.
Весь Шар Земной принадлежал ему.
Никто не называл его по отчеству,
и, слава Б-гу. Шёл без «почему»:
наученный лишь на себя рассчитывать,
когда решал проблем вселенских рой.
И вдруг... услышал глас весьма
рачительный:
«Остановись! Глаза свои раскрой».

И он раскрыл. И он увидел девушку.
Хорошенькую. В сереньком пальто.
Воробышков она кормила хлебушком.
А за домами эхом долото
напоминало о биении сердца,
о сонме нерешённых важных дел...
Себя заставив бегло оглядеться,
не понял он, с чего вдруг так вспотел.

А девушка, кивнув, сказала: «Здрасте.
Сегодня, право, очень шумный день...»
Он воробьёв вспугнул, случайно хрястнув.
Те моментально начали галдеть.
Так и стоял: большой и неуклюжий,

забывший, что ему всё по плечу.
Их разделяла маленькая лужа,
и он шагнул, не пожалев ничуть.

23 июня 2012 года

Осколки лжи

Как доказать, что человек хороший,
тем, кто его хотел оклеветать?
На публике набить им молча рожи?
В рот вставив пальцы, громко освистать?

Кто помогает наострившим уши
сердца очистить от осколков лжи?
Их не пугает, что черствеют души.
Не знаю... Я пытаюсь. Тем и жив.

Мужик, окстись! Зачем ты мечешь бисер?
Зачем рисуешься, убогий правдолюб?
Всё хорошо. Всё просто. За... кулисье
смешало понимаешь... Честен? Груб?

Застыв по сторонам сермяжной правды,
разделены мы ею как стеной.
И выглядит смешной моя бравада.
Меж глупостью и ней – я коренной.

Я, пыл и гнев сдержав, промолвлю сухо:
«Всё сказанное полуправда или ложь».
Мои попытки выглядят прорухой.
И храп норовистый всем слышен как скулёж.

Им имя легион. Они повсюду.
Мешает нам их задушевный тон
почувствовать, по ком звенит посуда.
Но я зануда... Кто сказал «долдон»?

Меня пугают злоба, глупость, серость,
бессилие и тонкости мои.
Когда бы муза сделалась стервой
да крикнула с издёвкой: «Смоги!»

И я бы смог отправить всех подальше.
И тех, кто передёргивать горазд.
И тех, кто равнодушен к честной фальши...
Терпел и стерпит спичи наши растр.

Нам много ввали. Мы привыкли верить
ниспровергателям. Туды их всех в качель!
Утоптаны в навоз жарптичьи перья,
но всё-таки слышна виолончель.

Придумал я её сейчас, возможно,
последним глупым аргументом «за»
то, что Мир ещё не безнадёжен,
что лжи осколок вымоет слеза.

Как доказать, что человек... хороший
всем равнодушным, слушающим ложь?
Позвольте, я присяду на дорожку.

Я не скажу, куда мне невтерпёж.

24 июня 2012 года

Круизный лайнер

Круизный лайнер «Сент-Луис»
покинет утром порт.
Чуть более девятисот
людей взойдут на борт.
Их ждёт опасный долгий путь.
От... чаяния полн
круизный лайнер «Сент-Луис»
предастся воле волн.

А накануне капитан
команде даст наказ
как с пассажирами вести
себя на этот раз.
Всего двенадцать из двухсот
не слушают его...
Плывёт, плывёт корабль от
опасных берегов.

Канал Английский позади
и курс взят на Бискейн.
Смеются, плачут и молчат
глаза: – А зохен вей!
Круизный лайнер «Сент-Луис»
для них последний шанс

спасти детей, спасти себя,
(всего уже лишась).

В салоне там, где первый класс,
сняв фюрера портрет,
гер капитан сперва хотел
открыть для них буфет.
Но позже он решил отдать
под синагогу зал.
Во всём евреям помогать
команде приказал.

– Гер капитан³, спасибо Вам
за пищу и уют.

– Гер капитан, спасибо Вам.
Теперь нас не убьют.

³ Посвящается немецкому капитану Густаву Шрёдеру, который в мае-июне 1939-го года приложил огромные усилия, чтобы спасти 937 еврейских беженцев – пассажиров его круизного лайнера «Сент-Луис» от нацистского режима. После того как в результате обмана Кубинского правительства отказавшегося принять беженцев, а также после отказа президента США – Рузвельта, правительств Канады и Доминиканской Республики, вместо того, чтобы исполнить приказ вернуться в Гамбург, Шрёдер совместно с Еврейскими Общественными организациями, нашёл способ доставить беженцев в страны Европы. (В те страны, что дали согласие принять их). Те пассажиры, кто не сгорел в пожарах войны в Европе, потом до самой смерти присылали капитану письма и подарки. А после его смерти (в 1959-м году), спустя 35 лет, в Израильском национальном мемориале Яд ва-Шем, Густав Шрёдер был посмертно удостоен звания Праведник Мира. В послевоенной Германии ещё при жизни он был удостоен ордена «За Заслуги» (ФРГ). По разным оценкам после войны в живых осталось около двух третей пассажиров «Сент-Луиса».

Кубинским консульствам уже
заплачено сполна.

В круизный лайнер «Сент-Луис»
с размаху бьёт волна.

Наладилась на судне жизнь.
Возможно, лишь порой
из дюжины один – другой
вдруг нарушал покой
нацист... Куплетом ли, словцом...
Так это не беда.
Круизный лайнер «Сент-Луис»
сейчас и навсегда.

* * *

Лицом не выдаст капитан
тревоги ни на грамм.
Он не расскажет никому
про тексты телеграмм,
которые летят к нему,
пугая и страша,
что пассажиров девять сот,
похоже, зря спешат.

Круизный лайнер «Сент-Луис»
тринадцать дней в пути.
Гаваны профиль восстает
из выдохов: – Пусти!..

Но тщетно. Не пускает их
сменившаяся власть.
И остаётся им рыдать,
молится или клясть.

Судьбу?.. Нет! Стоек капитан:
он повернул корабль.
И вот Америка их цель.
Ещё одна спираль.
Увы. Не сжалилась судьба.
И тут – опять отказ.
Из Гамбурга пришёл давно
обратно плыть приказ.

* * *

Круизный лайнер «Сент-Луис»
плывёт... плывёт назад.
Не смеет больше капитан
смотреть глаза в глаза,
осознавая что везёт
он столько душ на смерть.
Круизный лайнер «Сент-Луис»
вдруг превратился в клеть.

Не президенты, не послы,
не Б-г, а только он —
гер Шрёдер – судна капитан
обязан выиграть кон.
Круизный лайнер «Сент-Луис»
не может быть тюрьмой,
и если стал опасным дом,
он не пойдёт домой.

Посадит судно он на мель
вблизи Британских вод.
И, чтобы ни было потом,
он судно подождёт.
А после... Главное сейчас
не возвращаться в порт,
остаться в Англии, а там
возможен поворот.

Но, видит всемогущий Б-г,
чужое горе ймёт:
Европа сжалилась – она
всех беженцев возьмёт.
И невдомёк счастливым им,
что нет у чаши дна,
что в десяти неделях ждёт
их всё равно война.

А так... Не зря проделан путь
был в десять тысяч миль.
Девятистам смертям тогда
спасенье подарил.
Что снилось Рузвельту потом?
Что снилось тем другим,
цинично, сделав ставкой Жизнь,
устроившим торги?..

* * *

А что двенадцать? Был один —
у Абвера шпион.
Тогда ценнейший документ
доставил с Кубы он.
Потом погиб (в конце войны),
но не о нём рассказ —
о Праведнике Мира, что
те сотни жизней спас.

Круизный лайнер «Сент-Луис»
был сдан в металлолом,
и только память и хранит
преданья о былом.
Предательство и героизм,
нацизм и холокост...
Круизный лайнер «Сент-Луис»
плывёт в мерцаньи звёзд.

27—28 июня 2012 года

Под пятой ступенькой

Ну здравствуй.

Молчишь?

Ну молчи, и при этом, ну здравствуй!

Ключи, где всегда:

под дощечкой на пятой ступеньке.

Прошу, научи, как в дальнейшем

не строить препятствий.

Стою на морозе без шапки вихрастый не Сенька.

Ну, здравствуй. Ты можешь молчать,

если так тебе легче.

Я знаю, никто не сумеет соткаться из звуков.

А вот из молчанья – куда вероятней.

Всмотрись в этот вечер.

Всмотрись в эти краски. Безмолвье

способно на трюки.

Ну здравствуй, моя невидимка.

Всё бродишь кругами?

Всё думаешь, стоит ли этому типу открыться?

Ты мне предлагаешь сложить из стихов оригами,

а я тебе снова под пятой ступенькой порыться.

Ну здравствуй. Не стоит пытаться умерить дыханье.

Твоё появление дело каких-то столетий.
Глядят на меня, не мигая, из чьей-то лохани
созвездия. Тесно им, бедным, на этой планете.

Журавлик уснул на дощечке, ручною синичкой.
На нужной дощечке... Какие звучащие краски!
Мой Боже, как долго не гаснет зажженная спичка.
Задуть – не задуть?

Пусть ожог станет нужною встряской.

Ну здравствуй, родная.

Молчи и позволь мне собраться.

Казалось, я все рассчитал

в своём сказочном царстве.

Но снова дрожу, как былинка, боясь aberrаций.

Запомни, под пятой ступенькой. Под пятой.

– Ну здравствуй!

8 июля 2012 года

И. С. Б

(В которое море?..)

Два голоса лились.

Два голоса слились.

Два голоса вились,
как локоны Девы.

Два сердца не бились.

Два сердца разбились.

Два сердца влюбились
в небесном напеве.

И тот, что был первым,

просил нас поверить
отпущенной мере
сполна отдаваться.

А тот, что перечил,

был просто доверчив.
Похожий на вечер,
он к истине крался.

О чём они спорят?

Кому они вторят?

В которое море
рекою впадают?

Чуть слышно о Б-ге.

О смерти – немного.

О жизни... дорогой
от споров страдая.
Порою как дети
в мерцающем свете,
приветствуя ветер,
смолкая с закатом,
начнут по-иному,
как будто в истоме,
шептать о доме
под пульса стаккато.

А небо прекрасно. Да-да.
А солнце прекрасно. Да-да.
А дети прекрасны. Да-да.
Нет смысла перечить.
А звёзды не гаснут. Да-Да.
А девы прекрасны. Да-да.
И всё не напрасно. Да-да.
Их должно беречь им.
Пусть льются без меры,
не правдой, так Верой:
неясно, кто первый...
в соитье согласьем.
Два голоса – оба
текут на дорогу
дыханием Б-га.
И мир так прекрасен.

10 июля 2012 года

– Это что, простите, за сумбур?
– Рр-ав-в. Я Шостаковича играю.
Правда ли, весёлый каламбур?

«Дмитрий Дмитриевич, знаю, как Вам трудно...
...Я могу.

Свободен...

Хоть сейчас».

Ехал он, не думая подспудно,
для чего.

Так... помолчать.

На час.

Человек приехал к Шостаковичу
в феврале иль раннею весной,
несмотря на «Правду»... к Шостаковичу.
Год стоял тогда сорок восьмой.

* * *

...разговаривать было опасно
и с собственным эхом.

Они пили вино и молчали:
не рыбы, а глыбы.

И когда опустела бутылка —
гость встал, чтоб уехать,
а хозяин, пожав ему руку,
промолвил: – «Спасибо».

11 – 12 июля 2012 года

Лепесток дыхания

...Олегу Дорману

Он нёс свечу.

Огонь дрожал, как сердце.

Он нёс свечу

под проливным дождём.

Он сам дрожал,

не в силах опереться,

боясь упасть.

Он знал, что был рождён

и предназначен

этот путь проделать.

Не поскользнуться,

сдюжить, донести.

Гроза в бессильи

из-за туч кряхтела,

пытаясь рыком

скалы сотрясти.

Он нёс свечу как звук,

как слог, как ноту,

шатаясь и скользя.

Дрожал и нёс.

Бросались в стороны

лисицы и еноты.
Ступнями босыми
взмывая на утёс,
он думал не о крыше,
не о хлебе...
Одна лишь мысль свербила —
не упасть.
Над ним сгущало черноту
в бессильи небо
и разевало молниями
пасть.

Он нёс свечу
как лепесток дыхания,
сам на ветру дрожа,
как лепесток.
Он лился нотами,
он шелестел стихами,
он озарял
свечой своей Восток.
Он шёл, почти что
ставши полыханьем,
и потому, что знал
наверняка,
что нужен он,
что, затаив дыхание
его так ждут, там,
у
дверного косяка.

13 – 14 июля 2012 года

Из синевы (Предпосылка)

...Люде Л.

Что там, за синевой?

Там ночь и город
с десятками домов,
людей и судеб.

Что здесь... – вопрос. И я.
Расстегнут ворот.

Давай найдёмся
и тогда обсудим
нюансы построения пространства,
где нет предметов,
да и сам континуум
лишь предпосылка
странностей и странствий...

Всего и надо,
что шагнуть в картину
и там найтись.

А если разминуться?
И... так возможно.
Соткан Мир из «если».

Смотри внимательней,
пожалуйста,
на блюще

и жди сигнала
опоясать чресла.

Ведь тут... за синевой...
тут зарожденье:
сначала ночи, а
за ней рассвета,
но это —
не предмет для обсуждения
соотношений времени и цвета.

А что же люди
в городах и весях?
Те тысячи,
что синью не сумняшеса,
не ведают,
когда я, куролеса,
в ту синеву ныряю,
опоясавшись.
Луна из недр её
легко и бодро,
как из сомнения,
всплывает без обмана,
пока, легко
покачивая бёдрами,
ко мне идёшь ты
из Долины Обермана.⁴

⁴ Долина Обермана – произведение Ференца Листа

18 июля 2012 года

Без сентенций

«поверь без оглядки»

Гари Лайт

Гари Лайту

Возможно, это просто нетерпение,
желание опять попасть под дождь.
Из века в век мне не давалось пение,
но хорошо передавалась дрожь.

Я в них входил и в листопад, и летом
и с тремором перенимал мотив.
Укладывал в безмолвии в куплеты
превратности открытий на пути.

Я в них нырял с желаньем измениться,
не помышляя вырваться сухим,
и если и переходил границы,
то не пытался выглядеть лихим.

Я собирал их, мысленно, в пробирки
и расставлял по встречам и годам.
Но даже мысленно они стучали кирками:
«Не сожалею, о чём не загадал!»

И я не сгоряча раздал коллекцию
в обмен всего лишь на одну слезу.
Без объяснений (не люблю сентенций).
Я бил пробирки... Слышали грозу?

Она гремела над двумя столетьями.
Дожди произносили имена
из прошлого, звучащие не сплетнями.
Я слушал, вспоминая, дотемна.

Возможно, это просто нетерпение,
желанье помнить каждый божий дождь,
идуший наказаньем во спасение.
Ах, что за дождь. Ну до чего хорош!

18 – 19 июля 2012 года

Деталь... (Конец белиберды)

Секрет гармонии не в расстановке слов.
Секрет беспечности не в забываньи знаний.
Пришла пора ревизии желаний.
Кто говорит сейчас про рог бараний?
Ну «понесло», рифмую с «повезло»...
Секрет гармонии не в расстановке слов?

А что ещё? Да ничего. Да всё.
Звезда на небе. Отражение в колодце.
Так испокон за веком век ведётся
что человек на ерунду ведётся:
мизинчик дёрнется, и... здравствуй, новосёл.
А что ещё? Да ничего. Несёт...

Неандерталец одинокий смотрит вдаль
на звёздами усыпанное нёбо.
В колодце делится не по часам амёба.
И-ТИ⁵ решает в пол вдавить педаль
(ЭМЖЕ-квадрат), не думая о рёбрах.
Гармония? Бараний рог?
Деталь...

Брат неразумный смотрит из воды,

⁵ И-ТИ: ET – Extraterrestrial – инопланетянин

как брат разумный тормозит звездою.
Не думаю, что я чего-то стою,
тем более произнося: «Пустое».
Не ждите просьбы делать вы-воды.
Что ожидать к концу белиберды?

И-ТИ промчался дальше по касательной.
Выходит, я как будто не при чём.
Я невзначай прижмусь к тебе плечом.
Амёба выступленьем показательным
разделится...

Вот... чем я удручён?

Что непричём?

И всё ж к плечу плечом...

19 – 20 июля 2012 года

Окенами

*Когда я придумал слово «Окенами»,
я ещё не знал, что «Окинами» на японском*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.